

ДЕТЕКТИВЫ НАТАЛЬИ СОЛНЦЕВОЙ

- ✓ «Ожидай странника в день бури»
- ✓ «К чему снится кровь»
- ✓ «Опасайся взгляда Царицы Змей»
- ✓ «Она читала на ночь»
- ✓ «Копи царицы Савской»
- ✓ «Портрет кавалера в голубом камзоле»
- ✓ «Танец семи вуалей»
- ✓ «Все совпадения неслучайны»
- ✓ «Не бойся глубины»
- ✓ «Дневник сорной травы»
- ✓ «Полуденный демон»
- ✓ «В горах ближе к небу»
- ✓ «В храме Солнца деревья золотые»
- ✓ «Следы богов»
- ✓ «Легкие шаги в Океане»
- ✓ «Натюрморт с серебряной вазой»
- ✓ «Шулер с бубновым тузом»
- ✓ «Последняя трапеза блудницы»
- ✓ «Джоконда и Папац»
- ✓ «Эликсир для Жанны д'Арк»
- ✓ «Французский ангел в кармане»
- ✓ «Прыжок ягуара»
- ✓ «Свидание в Хэллоуин»
- ✓ «Камасутра от Шивы»
- ✓ «Иди за мной»
- ✓ «Дьявольский поезд»
- ✓ «Селфи с римским фонтаном»
- ✓ «Убийство в пятом варианте»
- ✓ «Венера и Демон»
- ✓ «**Черный байкер**»
- ✓ «Пассажирка с «Титаника»
- ✓ «Принцесса из Шанхая»
- ✓ «Венера Челлини»
- ✓ «Сокровище Китеж - града»
- ✓ «Этрусское зеркало»
- ✓ «Третье рождение Феникса»
- ✓ «Шарада Шекспира»
- ✓ «Яд древней богини»
- ✓ «Московский лабиринт Минотавра»
- ✓ «Печать фараона»
- ✓ «Черная жемчужина императора»
- ✓ «Испанские шахматы»
- ✓ «Монета желаний»
- ✓ «Магия венецианского стекла»
- ✓ «Загадка последнего Сфинкса»
- ✓ «Кинжал Зигфрида»
- ✓ «Золотой идол Огнебога»
- ✓ «Часы королевского астролога»
- ✓ «Ларец Лунной Девы»
- ✓ «Золото скифов»
- ✓ «Амулет викинга»
- ✓ «Звезда Вавилона»
- ✓ «Мантия с золотыми пчелами»
- ✓ «Красный лев друидов»

НАТАЛЬЯ СОЛНЦЕВА

ЭФФЕКТ ЧУЖОГО ЛИЦА

Издательство АСТ
Москва

Дорогой читатель!

Я написала уже около пятидесяти книг.

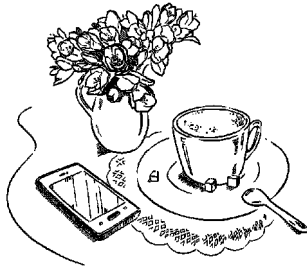
Каждая из них — мой шаг навстречу к вам, открытие и откровение. Я пишу о мире параллельных реальностей, с которым каждый из нас, сам того не подозревая, сталкивается практически ежедневно. Просто мы привыкли не замечать его.

В моих героях вы обязательно узнаете себя и заглянете в самые сокровенные уголки подсознания. Быть может, это станет поворотным моментом в вашей жизни.

С любовью, Наталья Солнцева

«...Знайте, о братья, что жил я
сладостнейшей жизнью и испыты-
вал безоблачную радость... пока не
пришло мне однажды на ум поехать
в чужие страны».

*(Рассказ о втором путешествии
Синдбада-морехода,
героя «Тысячи и одной ночи»)*

~ ГЛАВА 1 ~

Черное море.

Пассажирское судно «Георгий Панин»

Она жестоко страдала от морской болезни. Доктор посоветовал не выходить из каюты — лежать, грызть сухарики и стараться поменьше пить.

— Мне страшно... — прошептала она.

— Вы не привыкли к качке. Ваши нервы напряжены...

— Меня ужасно тошнит... Внутри все переворачивается...

— Шторм закончится, и вы поправитесь. Постарайтесь уснуть, — сказал он, уходя.

Она закрывала глаза и видела себя мертвой... Она лежала на полу, бледная и красивая, черты лица разгладились, обрели полную завершенность, волосы рассыпались...

Жалость к себе пронзила ее сердце. По каюте с шумом перекатывались незакрепленные вещи — мельхиоровый стаканчик, карандаши, планшет, полупустая бутылка из-под минералки.

На прогулочной палубе, откуда она еле спустилась, было безлюдно. Она думала, что свежий воздух, ветер приведут ее в чувство. Увы! Море и небо были свинцовыми, повсюду, куда ни бросишь взгляд, вздымались угрюмые волны. Судно бросало из стороны в сторону. Пассажиры, которые плохо переносили качку, уединились в своих каютах. Она последовала их примеру...

«Кто-то знает, что застанет тебя здесь одну... — нашептывал ей в уши странный голос. — Что ему никто не помешает...»

Она потянулась к груди, нащупала камень... Щелчок дверной ручки заставил ее вздрогнуть. Крик ужаса застрял в ее горле, сведенном судорогой... Она попыталась встать, но очередной толчок бросил ее на койку. Резкий приступ дурноты скрутил желудок. Успеть кинуться в тесный санузел, добраться до крохотного умывальника или унитаза!..

Что-то черное, огромное, навалилось на нее, дернуло, швырнуло назад, к столику. Что-то ослепительно вспыхнуло, и свет в ее глазах померк...

Судно качало. Кто-то, крепко держась за поручни, пробирался по коридору. В дверь каюты постучали... Тот, кто находился рядом с мертвой женщиной, метнулся прочь, поспешно закрылся в туалете. Он не сделал самого главного, из-за чего решился на убийство... Залюбовался ее красотой, промедлил!

Она все так же лежала на полу, неподвижная, безучастная. Ее блузка была расстегнута, под ней виднелся кружевной бюстгальтер. Витая серебряная цепочка сбилась на сторону, голубой камень в прочной оправе, казалось, пытался спрятаться под мышку бездыханной хозяйки...

Москва. Тридцать пять лет спустя

Матвей Карелин ехал на встречу со своей бывшей любовницей в ночной клуб «Жозефина». Лариса позвонила ему в офис утром, после ежедневной пятиминутки. Он отвык от ее голоса и не сразу узнал.

— Кто это?

— Ну, ты даешь, Карелин! — возмутилась она. — Быстро же мужчины забывают своих возлюбленных! Видно, твоя новая пассия основательно вскружила тебе голову. Слышала, вы вместе проводите спиритические сеансы? — захихикала она.

— Ты не изменилась, — вздохнул он. — Как твой муж? По-прежнему прикладывается к бутылке?

— Теперь реже. У него проблемы с печенью. И мы по-прежнему спим в отдельных комнатах.

В ее словах прозвучал недвусмысленный намек, которого Матвей предпочел не заметить. Они «обменялись любезностями» и заговорили спокойнее. Лариса, как обычно, жаловалась на скуку, на приступы мигрени:

— Ужасно не люблю московские зимы! Этот снег, мороз... эти ночные метели сводят меня с ума. Каждый день приходится пить таблетки, а ведь это вредно.

Паркуясь на клубной стоянке, Матвей пытался представить себе Ларису — красивую, пылкую, полную огня и постоянно неудовлетворенную женщину. Ее супруг, Калмыков, весьма успешно занимался бизнесом, но это не распространялось на все остальное — жизнь в браке не удалась. Калмыковы оставались вместе, не желая заводить развод, — но каждый из них жил собственными интересами. Ларису устраивало приличное содержание, которое обеспечивал Калмыков, а его — представительная жена, статус хорошего семьянина, привычный порядок в доме. То, что у Ларисы были любовники, он, вероятно, знал, однако закрывал на это глаза. Они не ограничивали свободу друг друга.

Когда Матвей вошел в полукруглый зал клубного ресторана, Лариса уже сидела за столиком — в открытом платье красного цвета, в изысканных украшениях от Веллендорф. Она грациозно помахала ему рукой.

В эту пору ресторан почти пустовал — публика начинала подтягиваться после полуночи. Интерьер зала слепил глаза — дизайнер явно переборщил с позолотой, зеркалами и хрусталем. Впрочем, именно таков мог быть авторский замысел: контраст ночной темноты снаружи и непомерного, избыточного блеска внутри.

Матвей ничуть не покривил душой, когда рассыпался в комплиментах: Лариса и вправду выглядела роскошно. Ее густые волнистые волосы, причесанные на прямой пробор и убранные назад, оттеняли точеные черты лица и позволяли рассмотреть витые серьги тончайшей работы. От нее шел знакомый запах китайской магнолии. Духов Лариса не жалела, несмотря на их баснословную цену. Судя по ее виду, дела у Калмыкова шли отлично.

— Я уже заказала еду, — улыбнулась она и одарила Матвея плотоядным взглядом тигрицы. — Все, что ты любишь. Спиртное тоже.

— Я за рулем.

— Мы по капельке! За встречу.

Без сомнений, она рассчитывала снова очаровать его, соблазнить своей внешностью и неумемной жаждой наслаждений.

Официант принес коньяк и закуски. Матвей был голоден, и Лариса с умилением наблюдала, как он ест:

— Приятно смотреть на мужчину, у которого хороший аппетит. Как твоё конструкторское бюро? Много заказов?

— Достаточно.

— Ты все так же воспитываешь трудных подростков?

Матвей кивнул. Он не собирался вдаваться в подробности своих занятий с мальчишками из «Вымпела»: Ларису это совершенно не интересовало, она задавала вопросы из вежливости, поддерживая светскую беседу.

— Не надоело?

— Мне самому полезны пешие походы, чистый воздух, физическая закалка. Экстремальные условия мобилизуют, заставляют выкладываться. Встряска для изнеженных нервов городского жителя.

— Ты хотел сказать — измотанных нервов?

— Можно и так...

— Таскаться с рюкзаком по лесу, кормить комаров и есть всякую гадость из невытой посуды?! Фи, Карелин! В твоём возрасте пора бы утомиться.

Лариса скорчила брезгливую гримасу. Она терпеть не могла вылазки на природу и даже загородные пирушки. Город — вот среда её обитания, где она чувствовала себя уверенно и комфортно. Отсутствие крыши над головой, горячей воды и удобной постели могли привести её в отчаяние. Вряд ли она хоть раз провела ночь в палатке на берегу реки или в горах.

— Какой ещё возраст? Я молод и полон сил. Смеем предположить, именно эти мои качества побудили тебя назначить мне свидание. Не так ли, прекраснейшая?

— А эту Астру Ельцову... ты берёшь с собой в походы?

— Нет.

Лариса рассмеялась и захлопала в ладоши:

— Я знала! Признайся честно: ты её любишь или... тебя привлекают денежки её папаши? Господин Ельцов весьма обеспеченный человек, и Астри — его единственная дочь.

— Я не меркантилен, как тебе известно.

— Значит, любишь... — в глазах Ларисы мелькнуло разочарование. — Она действительно обладает ясновидением или это сплетни?

— Ты позвала меня, чтобы обсудить Астру? Я не стану говорить о ней.

— Любишь! — констатировала Лариса. — Выходит, я зря надеялась?

— Зря.

— О-о, какая непреклонность, какой металл в голосе! Что ты в ней нашёл, Карелин? Я её видела, — ничего

особенного. Средний вариант. — Она вздохнула. — За-
видую таким бабам. Чем они берут?

Матвей промолчал, налил ей коньяка.

— Почему не я? — не унималась Лариса. — Почему она?

Он картинно поднял глаза к потолку и пожал плечами.

— Хочешь переложить ответственность на «высшие
силы»? Хитрые вы, мужики...

— Ты говорила о каком-то деловом предложении, —
напомнил он. — Если по поводу секса, то я пас.

— За кого ты меня принимаешь?

Лариса с трудом сдерживала слезы. Она тщательно
готовилась к этому свиданию — сутки потратила на то,
чтобы выглядеть неотразимо, — а он...

Да она никогда не решилась бы вот так в открытую
предлагать себя! Просто повод подвернулся. Она и об-
радовалась, дурочка, ночь не спала, рисовала в вообра-
жении разные эротические сцены, рассчитывая на то, что
Матвей увидит ее соблазнительные формы, вспомнит бы-
лые сладкие мгновения... и не устоит. Не каменный ведь!

— А ты какой-то другой, — вырвалось у нее. — Небось
Астра тебя в ежовых рукавицах держит. Ни шагу налево!
Еще бы, при таком тесте не забалуешь...

Он равнодушно, снисходительно усмехнулся:

— Если это все, то я, пожалуй, пойду.

— Нет, подожди. Думаешь, я без тебя скучала? — В ее
голосе прозвучало отчаяние. — Думаешь, на тебе свет
клином сошелся?

Он положил руку на ее холодные нервные пальцы.
Меньше всего ему хотелось, чтобы Лариса устроила
здесь, в клубе, публичный скандал с выяснением отно-
шений. Что на нее нашло? Не надо было приезжать...

— Успокойся.

— У тебя лед вместо сердца!

— Так зима же на улице...

Лариса наклонила голову, засмеялась сдавленно и...
проглотила обиду. Поняла, что к прошлому возврата не
будет.

— Ладно, проехали. Не за тем я тебя позвала, чтобы душу изливать... Не к месту это, не ко времени.

Она была так же прекрасна, так же чувственна — годы только придали ее облику царственного великолепия, — но Матвей смотрел на нее трезвым взглядом ценителя женской красоты, а не влюбленного мужчины. И с этим ничего нельзя было поделать. Что-то приходит, что-то уходит; суть бытия — обновление, а не повторение.

Лариса не собиралась выпрашивать милостыню. Раз ее чары оказались бессильны против той, другой, она сумеет смириться. Жизнь порой бывает безжалостна, и винить ее не имеет смысла. Человек — заложник весов судьбы, которые постоянно колеблются: сегодня милостивы к тебе, завтра — к другому.

— Меня попросили переговорить с тобой об одном деликатном деле.

Она надела маску пресыщенной богатой дамы и сразу показалась Матвею чужой. Неужели он когда-то целовал ее, забывался сном в ее объятиях? Что их связывало?

— Насколько деликатном? Моя группа укомплектована, и если ты хочешь составить протезе какому-нибудь великовозрастному балбесу, то я вынужден буду отказать. Я беру в год одного-двух новичков, чтобы каждому уделить достаточно внимания.

Он имел в виду ребят из военно-спортивного клуба, которых умудрялся за пару лет превратить из расхлябанных бездельников, пристрастившихся к «травке» и алкоголю, в более-менее нормальных парней. Родители распушенных недорослей просто молились на такого «наставника», с удовольствием перекладывая на его плечи ответственность за воспитание своих сыновей. Матвей водил подростков в лес в любую погоду, учил выживать в условиях дикой природы: добывать пищу, разводить огонь, сооружать укрытия. А в спортивном зале отрабатывал с ними приемы русского боя по системе Кадочникова. Становиться мужчинами было не легко, но мальчишки не роптали, старались изо всех сил.

Секрет такого благотворного влияния на подрастающее поколение крылся в полном отсутствии нравочений и безоговорочном авторитете, которым Матвей пользовался у подопечных. Они невольно подражали ему, и это с лихвой компенсировало всяческие новомодные педагогические приемы.

— Даже для меня не сделаешь исключения? — сердито поморщилась Лариса. — Знаю, знаю... никому никаких поблажек! Это твоё кредо. Но я ведь не член вашей исправительной колонии?

— У нас не колония, а дружная команда.

— Расслабься, я вообще не о том. Собственно, речь идет о моей приятельнице. Вернее, бывшей подруге. Мы вместе работали в научной лаборатории, еще до моего замужества. Сто лет не виделись и вдруг случайно встретились!

— Где же, если не секрет?

При мысли о том, что Лариса заманила его в клуб обманом, и он попался на ее удочку, разозлила Матвея, и теперь он искал в ее словах подвох.

— Представь себе, в косметическом салоне. Это заведение открылось совсем недавно и предлагает оригинальные методы омоложения кожи без инъекций и пластики.

— Скромная лаборантка посещает дорогой салон? — недоверчиво осведомился он. — Все эти «оригинальные методы омоложения» стоят баснословных денег.

— Ты зануда, Карелин. Стареешь?

— Умнею!

— Думаешь, я лгу? — Лариса, и так раскрасневшаяся в присутствии бывшего любовника, стала пунцовой от оскорбительных подозрений. — Ну, ты и фрукт! Неля Ракитина, между прочим, давно не лаборантка.

— Тоже вышла замуж за коммерсанта?

— Как раз нет. Она, в отличие от меня, интересовалась не выгодным браком, а химией. Защитилась, выучила два языка, сделала карьеру — сейчас работает в крупной компании, совместной с немцами. Прилично зарабатывает, и любые косметические процедуры ей по карману. Тем более, что живет одна и все тратит на себя.

— Разведена или...

— Просто не удосужилась обзавестись мужем! — с вызовом заявила Лариса. — Некогда было. Она из тех женщин, которые стремятся к независимости и самообеспечению.

— Синий чулок?

— Вроде того... Честно говоря, мужчины на нее не очень-то заглядывались. Страшной Нелю не назовешь, но и до хорошенькой ей далеко. Молодость скрашивает недостатки внешности, а зрелость их усугубляет.

— Чего же вдруг ее потянуло в салон? Решила наверстать упущенное?

— Наверное... Мне-то какое дело?

Лариса пожала плечами — в ее движениях проскальзывала ленивая кошачья грация, которая так нравилась раньше Матвею. Неужели у него полностью изменился вкус?

— Похоже, ты меня сватаешь...

— Боже упаси! — искренне возмутилась она. — Я что, идиотка? Отдавать такого неутомимого любовника бывшей подруге? К тому же ты пока занят.

— Пока?

Лариса предпочла не углублять болезненную тему и вернулась к Неле.

— Собственно, она поделилась со мной горем. У нее сложные взаимоотношения в семье — с отцом, с мачехой, с братом. Там целый змеиный клубок! Ей нужна помощь, как я понял.

— Ссорятся, что ли? Мачеха ненавидит падчерицу, а та платит взаимностью?

Лариса покачала головой.

— Если бы! Да и живут они врозь, кажется. Дело в другом. У нее появился какой-то немотивированный страх, нервы постоянно взвинчены, сон пропал.

— Я-то чем могу помочь? Пусть идет к психологу, принимает успокоительные. Может, ей замуж пора?

— Я ей намекнула, но она и слышать не хочет о замужестве. У нее был неудачный роман... О подробностях я не расспрашивала. Зачем бередить свежую рану?

— Свежую? Значит, роман был недавно?

— Судя по ее словам, да. В общем, не везет Нельке. Она трудяга, умница... а счастьем ее Бог обделил.

Матвей невольно рассмеялся. Лариса считала счастьем богатого мужа, гаранта праздной жизни, которому можно изменять. Впрочем, каждому — свое.

— Что тут смешного? — надула губки она.

— Прости, это я так...

В глазах Ларисы засветилось воодушевление.

— Слушай, а не согласится ли твоя Астри поговорить с Нелей?

— О чем?

— Ну... в семье Ракитиных явно происходит что-то странное. Раз Неля решилась признаться, что боится за свою жизнь...

— Даже так?

— Именно! Иначе бы я тебя не беспокоила. Я вообще-то не из пугливых, но вид Нельки меня впечатлил. Уставшая, издерганная, под глазами синяки! Она спрашивала, нет ли у меня знакомого детектива, который умеет держать язык за зубами. А у меня нет. Откуда? Сейчас порядочного человека днем с огнем не сыщешь!

— Так в чем все-таки проблема? Твоей подруге кто-то угрожает?

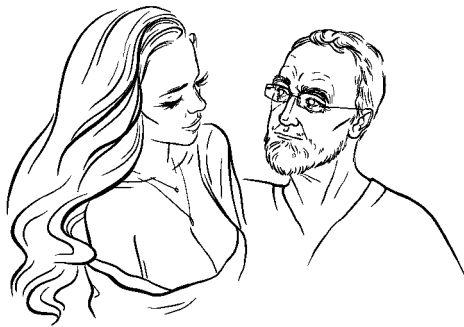
— Ой, я не хотела ввязываться в чужие дела! — махнула ухоженными пальчиками Лариса. — Неля особо не вдавалась в подробности, а я не выпрашивала. Зачем? Лишний груз только отягощает! А твоя Ельцова, кажется, любит страшные истории. Говорят, она видит людей насквозь...

— Не обольщайся. Эти слухи сильно преувеличены...

— Все равно, пусть попробует разобраться, кто желает Нельке зла. Кстати, та в состоянии оплатить чужое потраченное время.

Поскольку Матвей хранил молчание, она заявила:

— Я уже дала Неле номер твоего сотового. Будь джентльменом, Карелин...

~ ГЛАВА 2 ~

Астра не доставала венецианское зеркало с начала зимы. Сверкающая белизна, укрывшая московские улицы, кружево деревьев, морозные рассветы пробуждали в ее воображении странные картины прошлого, прямо противоположные тому, что она видела. Приезжая за город, к родителям, она выходила на террасу дома и любовалась косматыми елями за забором, пологим спуском к реке, занесенным снегом, холодным блеском солнца...

Мать выходила следом за дочерью, выносила овчинный полушубок, накидывала Астре на плечи:

— Оденься, замерзнешь. Простудишься. Нынче в Москве новый грипп свирепствует. Может, останешься у нас до Рождества? Вместе отпразднуем.

— Пока ничего обещать не стану.

Лилиана Сергеевна огорченно вздыхала. В кого дочка уродилась? Все ее ровесницы давно замуж повыскакивали, детей нарожали, кое-кто уже и развестись успел, и вторую свадьбу сыграть. А она будто ждет чего-то. Только чего ждать в этой жизни? Годы бегут незаметно, уносят свежесть и красоту, прибавляют морщин, портят характер. У Астры все не как у людей! Ладно бы,

нуждалась в деньгах или жить негде было, тогда понятно, почему не спешит под венец. «Видно, избаловали мы с отцом ее без меры! — сокрушалась госпожа Ельцова. — Ни в чем отказу не знала, вот и выросла привередливая, капризная, упрямая! Теперь уж нипочем не сладишь! Поздно. Все норовит по-своему переиначить. Живет отдельно, в бабушкиной квартире, занимается какими-то темными делами, скрытная, замкнутая. От матери, и то таится! И что у них с этим Матвеем Карелиным, не поймешь — то ли в гражданском браке, то ли просто любовники. Живут вроде бы врозь, а когда к нам приезжают, в одной постели спят. Что за мода пошла? Тьфу! Срам! И ведь слова не вымолви — разобидятся, потом в гости не зазовешь. Скажут: нечего нам указывать!»

Юрий Тимофеевич на поведение дочери смотрел сквозь пальцы. На причитания супруги он неизменно отвечал: «Оставь их в покое, Леля. Пусть живут, как им хочется, были бы счастливы».

Лилиана Сергеевна с ним соглашалась. Только счастлива ли Астра? По ней ничего толком понять невозможно. В каждый приезд дочери она с пристрастием вглядывалась в ее лицо, ловила жесты, интонации голоса — не проскочит ли внезапная горечь или нечаянная радость? Но Астра держалась ровно, — ни горечи, ни радости не выказывала. Бывало, что смеялась или грустила, но потом возвращалась к своей странной задумчивости. Говорят, у матери с дочерью существует некая особая близость, подсознательное единство. Выходит, они с Астрой — исключение.

Вот и сейчас Лилиана Сергеевна чувствовала желание дочери помолчать и некоторое время терпела — стояла рядом, облокотившись на балюстраду и делая вид, что наслаждается зимним пейзажем и чистым воздухом, — однако не долго. В этот раз Астра казалась похудевшей, какой-то обостренно взволнованной. Не спала до полуночи, жгла свечи десятками, задымила всю спальню,

пол парафином закапала — домработница замучилась оттирать. Может, нездорова?

— Ты чай с лимоном пьешь? — заботливо спросила она. — Побольше лимона клади!

— Все хорошо, мам. У меня крепкий организм.

— Что ты все дома сидишь? Съездила бы к подружке какой-нибудь, поболтала. Не скучно тебе?

— Не скучно.

И все! Сказала — как отрезала. Будто предупредила: продолжения не будет. Лилиана Сергеевна обиженно поджала губы. Но молчать было не в ее правилах.

— Не жалеешь, что отказалась от работы в театре? Я смолоду мечтала стать актрисой, да судьба по-другому сложилась. А у тебя все есть для сцены! Внешность, талант, образование...

— ...и папины деньги! — закончила за нее Астра. — С его связями передо мной все пути открыты, особенно если задействовать материальный ресурс! Оплатить «раскрутку»!

— Зря, что ли, мы тебя учили?

— Ну, почему же зря? Жизнь — та еще трагикомедия! Без лицедейства ох как трудно. Люди куда охотнее воспринимают притворство, чем искренность.

— Искренность иногда коробит... — с сердцем произнесла старшая Ельцова. — Что у вас, молодых, за манера такая, резать правду-матку? Режете - то по живому...

— Больно, да? Зато полезно. Вскроешь нарыв — человек сразу на поправку идет.

— Или умирает...

— Значит, лучше пусть живет во лжи и неведении?

— А если эта ложь во спасение?

Мама опять вовлекла ее в дискуссию, которой нет конца. Астра сумела вовремя остановиться:

— Слушай, это, наверное, диалог из какой-нибудь старой пьесы? Островский, Чехов?

Лилиана Сергеевна грешила подобными «розыгрышами»: обычный разговор переводить вдруг в русло те-

атрального диалога. Она перечитывала множество пьес и некоторые понравившиеся ей места запоминала наизусть. А потом ловко пускала в ход. Так она реализовывала в себе несостоявшуюся актрису.

— У нас с тобой отлично получается! Можно смело устраивать домашний спектакль. Давай, сыграем что-нибудь...

— Нет, уж. Уволь! Любительские спектакли — дурной тон.

Столь весомый аргумент возымел действие — Лилиана Сергеевна сразу отстала. Она никак не могла смириться, что из ее дочери не получилась звезда драматического театра или большого кино. И пыталась пробудить в Астре творческие порывы.

— Пойду к себе, — сказала та со вздохом сожаления. — Ветер поднялся. Холодно...

Такой чудесный миг наедине с подмосковной природой был испорчен.

Лилиана Сергеевна, сдерживая слезы, постояла еще немного на террасе. Небо заволакивали снеговые тучи, понизу стелилась белая поземка. Ночь обещает быть вьюжной, непроглядной, тоскливой, когда часами лежишь без сна и размышляешь о несбывшихся надеждах. Почему человек вечно чем-то недоволен? Разве дети обязаны осуществлять мечты родителей? Астре не по душе сцена, бизнес тоже ее не привлекает. Чем наполнены ее дни и ночи? Какие мысли порождает ее бессонница?

Госпожа Ельцова вынуждена была признать, что самый близкий человек — родная дочь для нее — закрытая книга, в которой не удастся прочитать не то, что страницы — абзаца. Как это получилось? В какой из бесчисленных моментов времени они отдалились друг от друга, разошлись по разным берегам?

Астра закрылась в спальне и думала о предложении Матвея. Ее захватило предвкушение нового расследования. Пора, пора, засиделась она среди снегов и тишины,

заскучала. Нарастающее беспокойство — верный признак того, что где-то рядом, в невидимом тонком мире, точной копии нашего, зреют опасные замыслы. Против кого? С какой целью одно существо покушается на жизнь другого? Ответ следует искать в лабиринтах прошлого, темных, покрытых пылью забвения...

Карелин позвонил рано утром и рассказал о встрече с бывшей любовницей. Ему бы хотелось скрыть сей факт, но обстоятельства не позволили: слишком неприлично, легко он говорил о Ларисе. Притворство... Впрочем, на его месте так поступил бы каждый. Даже она. Чем жизнь отличается от театра? Размерами подмостков...

Не то, чтобы Астру это задело: ревновать его к былым увлечениям глупо и недостойно. Но как избавиться от недоумения: что общего между ним и откровенно похотливой, пустой женщиной? Неужели приятный секс? Почему бы и нет...

Эта связь с Ларисой каким-то образом унижала Матвея, хотя чисто физиологически была объяснима и естественна. Было досадно за мужчину, которого Астри могла бы полюбить. Или уже любила... Она искала в возлюбленном безупречности, не будучи безупречна сама. Каким-то образом его унижение распространялось и на нее, напоминая ей о собственном опыте — неудавшейся первой любви и скандальном разрыве с женихом.

— Наверное, я становлюсь святошей, — пробормотала она, лежа на широкой кровати и глядя в потолок. — Прискорбно...

В голове бродили сумбурные мысли. Вспомнился провинциальный Камышин, дом баронессы Гримм, где Астри служила компаньонкой, их ночные бдения у камина, вой ветра и треск поленьев, объятых пламенем¹...

¹ Подробнее читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Свидание в Хэллоуин».

Вероятно, она уснула, потому что опять оказалась в горящем коттедже... задыхаясь от дыма и ужаса, пыталась выбраться... но все двери были закрыты, а окна забраны решетками...

Тогда чудо спасло ее. Мандрагоровый человечек Альраун пришел на помощь, шепнул на ухо заветное слово: «Прыгай!» И она выпрыгнула с мансардной террасы в сад, освещенный пожаром. Теперь она была уверена, что, если бы не Альраун, ее постигла бы страшная участь сгореть заживо. В те роковые мгновения она не думала о «домашнем божке», зато он о ней позаботился. Ну и о себе, конечно. Говорят, корень мандрагоры в огне не горит и в воде не тонет, но Альраун предпочел не рисковать.

Кроме него, Астре удалось вынести из пылающего дома зеркало баронессы и флешку с видеозаписью, обнаруженную в тайнике. С тех пор зеркало выполняло при ней роль подсказчика и советчика в неразрешимых ситуациях. В нем жили двойники людей, которые им владели. Такой двойник появился и у Астры. Женщина, похожая на нее, выглядывала из золотистого тумана и давала ответы на трудные вопросы...

Матвей считал двойника отражением Астры, но сама она была убеждена в другом: двойник — настоящий, обитающий в зазеркалье образ ее иной ипостаси, загадочной и непостижимой.

На обратной стороне зеркала сохранились полустертые, вырезанные на старинной бронзе буквы, — ALRUNA, что означало «тайный знак». Зеркало вполне отвечало своему предназначению: подавало *знаки*, проливающие свет на мрачные события, прошлые или будущие. Уловить смысл этих *знаков* являлось задачей хозяйки зеркала.

Уезжая из Москвы на несколько дней, Астра брала зеркало с собой. Привезла она его и в этот раз. Мутноватая амальгама искажала черты женщины-двойника, и та как будто посмеивалась над нетерпением своей ви-

зави. Куда торопишься, мол? Всему отведено положенное время...

Астра просиживала перед зеркалом часами, пролетающими незаметно, жгла свечи, питая огнем капризное венецианское стекло. Впрочем, из чьих рук вышло это чудесное изделие, неизвестно. Ей казалось, что зеркало существовало всегда, оно пришло из магического мира, тесно переплетенного с нашим, и что его судьба подчиняется законам, неподвластным человеку.

Стекло-золотистый блеск слепил глаза, вызывал слезы. Наверное, Матвей прав, говоря об усталости мозга, который по желанию Астры создает призрачные видения. С другой стороны, эти видения воплощались наяву, доказывая, что они — не плод воображения.

Матвей смеялся над ее фантазиями, называл выдумщицей, но постепенно втягивался в эту игру и начинал понимать ход мыслей Астры. Он тоже имел двойника, хотя не признавался, что бывший петровский вельможа граф Яков Брюс — чернокнижник, астролог и ученый — занимает слишком много места в его душе, слишком влияет на его ум, чтобы быть просто исторической фигурой. Иногда он путал рассуждения Брюса со своими и долго пытался разделить их.

— Не стоит бояться своих странностей, — говорила Астра. — Просто принимай себя таким, и тебе станет легче.

— Хочешь, чтобы я поверил в двойников?

Она пожимала плечами и мило улыбалась:

— Истина всегда немного безумна...

Он протестовал, но потом соглашался. Невозможно было спорить с Астрой. Ее доводы обескураживали, а тон и выражение лица заставляли усомниться, что она шутит.

Еще одна вещь из дома баронессы оказывала на нее серьезное влияние — флешка с заснятыми разрозненными эпизодами, то ли проникнутыми кельтской символикой, то ли навеянные венецианским карнавалом...

По мнению Матвея, этот любительский «кинофильм» был рожден больным сознанием убийцы, который пытался заразить своими фобиями окружающих. Астра утверждала, что кадры на пленке предрекают будущее.

Она просматривала видеозапись раз за разом и почти уверилась в своих выводах. Тем более что каждое расследование подтверждало ее правоту...

Блестящее тело змеи обвивает ствол могучего дерева... всадники загоняют дикого кабана и скрываются в тумане... под сводами средневекового замка варится в ритуальном котелке «пища богов»... бронзовая русалка грустит на постаменте посреди круплого водоема... люди в карнавальных костюмах танцуют на улицах Венеции... на золотом блюде лежит отрубленная человеческая голова... старинная усадьба с лепным декором выглядывает из-за деревьев... толпа ряженых сжигает на костре соломенное чучело... маски скрывают лица обнаженных любовников... россыпь Млечного Пути мерцает на ночном небе... мраморная Афродита красуется в венке из цветов мандрагоры... коровы пасутся на зеленом лугу... ветер раскачивает на виселице труп повешенного... туристы бросают в фонтан монетки...

Эпизоды, сменяющие друг друга, сопровождал ангельский женский голос, исполняющий вокализ. Так, вероятно, пели сирены, заманивая корабли путешественников туда, где их подстерегала гибель...

* * *

Профессор Ракин готовил к изданию свою книгу о барельефах древнего Вавилона и с головой ушел в работу. Зарубежные коллеги поторапливали. Они задумали грандиозный проект по возобновлению раскопок в Ираке и надеялись собрать значительную сумму, заинтересовав общественность и спонсоров «библейскими тайнами» Междуречья. Правда, Багдад пока не дал до-

бро, им не до этого: обстановка сложная. Однако ученые не теряли надежды. Книга Ракитина должна была стать гвоздем программы на конференции в Берлине.

Сам он тоже собирался поехать, выступить с подробным докладом. Лавры немецкого археолога Роберта Кольдевея, раскопавшего Вавилон, не давали ему покоя. По ночам профессору снились пустынные плоские холмы в сотне километров от Багдада, под которыми долгие века покоился великий город, вместилище невиданной роскоши и порока. Уничтоженный завоевателями, стихией или разгневанным Всевышним, Вавилон перестал существовать, его считали вымыслом, легендой Священного Писания. Не верили даже свидетельствам Геродота¹.

Местные жители не подозревали, что у них под боком лежит погребенная под слоем песка, щебня и золы столица некогда самого могущественного на земле царства. На вершинах мертвых холмов гулял ветер, да молились Аллаху набожные бедуины...

Ракитин давно мечтал своими глазами увидеть развалины Вавилона. Ему казалось, там, на месте древнего города, на него снизойдет некое мистическое откровение, глубинное постижение смысла жизни... Почему именно там? Да потому, что между Тигром и Ефратом лежит колыбель человеческой цивилизации. Где же познавать явление, как не у истоков? Река людская берет начало из того родника, неужели ничего не встрепенется в немоте безбрежной опаленной солнцем пустыни, не отзовется на томительный зов разума?

Ракитин слыл среди коллег неисправимым романтиком, поэтизирующим древнее прошлое, чудачком, грезящим несметными сокровищами канувших в Лету империй. Он поклонялся не золоту, а таинственным знаниям, которые исчезнувшие народы унесли с собой в гробницы и могильники. Он надеялся понять, что вла-

¹ Геродот — первый из великих греческих историков.

дело умами жителей Вавилона, простоявшего тысячи лет вопреки непрерывным войнам, наводнениям, засухам, пустынным ветрам... и умудрившегося попасть в пророчества Апокалипсиса в образе «великой блудницы... растлившей землю любодейством своим, яростным вином блудодеяния своего напоившей всех живущих на земле, все народы».

Чем Вавилон заслужил столь суровую хулу? Печально известная Вавилонская башня даже стала символом людской гордыни, дерзкого желания добраться до небес и сравняться величием с самим Творцом. Подобная наглость не осталась безнаказанной. Каждому школьнику известно, чем закончился сей рискованный эксперимент — возмущенный Господь «смешал» язык строителей, они перестали понимать друг друга и рассеялись по миру.

Отголоски того печального события человечество ощущает до сих пор: с пониманием у людей так и не сложилось. Не то, что государства — самые близкие, члены одной семьи не могут найти общего языка. В последнее время Ракитин начал чувствовать эту разобщенность особенно остро...

Он оторвался от компьютера, встал и, потирая виски, подошел к окну. Внизу раскинулось заснеженное Замокворечье на фоне красного морозного заката. Кое-где уже переливались разноцветными огнями праздничные гирлянды, которыми украсили город к Новому году. Солнце наполовину скрылось в ледяной дымке, уступая место ночи...

Красота открывшегося вида не помогла профессору отвлечься от тягостных мыслей. В дверь кабинета постучали.

— Входи, Раенька...

Это была жена. Собственно, в его большой квартире они проживали вдвоем. Раз в неделю приходила домработница, мыла окна, делала уборку и гладила выстиранные вещи. Готовила Рая сама, никому не доверяя

диетическую кухню, прописанную Ракитину врачами. Профессор страдал одышкой и, несмотря на диету, набирал лишний вес. В его возрасте это грозило разными осложнениями хронических заболеваний. Шестьдесят семь лет за плечами, — годы преподавания, научная деятельность, постоянная нервозность, происки менее удачливых коллег, неправильное питание, сидячий образ жизни и прочие негативные факторы подорвали здоровье Никодима Петровича.

— Я тебе не помешала? — с благоговением осведомилась супруга.

— Нет, дорогая. Я, в сущности, закончил.

— Обедать пора...

За столом Раенька молча подкладывала мужу запеченные без жира овощи, которые он с отвращением проглатывал, и поглядывала на часы.

— Ждешь кого-то? — сухо обронил профессор.

Вынужденные ограничения в еде ужасно раздражали его — пожалуй, даже больше, чем семейные склоки. Он ловил себя на том, что сидя за работой, думает не о культуре древней Месопотамии, а о жареной картошке с котлетой. К ним бы еще холодной водочки на зверобое, да малосольных огурчиков с укропом...

— Нелли обещала приехать, — сообщила жена, ковыряя вилкой печеную морковь.

Дабы не провоцировать неумный аппетит Никодима Петровича, она питалась тем же, что и он. При этом Раиса худела, а профессор нет.

— Неля? С какой стати?

Визиты дочери и сына заканчивались одним и тем же — разговорами на повышенных тонах, взаимным недовольством и слезами Раеньки. При них она держалась молодцом, но после ухода падчерицы или пасынка заперлась в ванной и давала волю горькой обиде. Ни за что ни про что невзлюбили взрослые дети профессора новую мачеху.

Никодим Петрович был женат третий раз, и если предыдущую супругу сын и дочь от первого брака, скрепя сердце, приняли, то против Раеньки ополчились не на шутку.

— У тебя, папа, старческий маразм! — возмущался Леонтий. — Тебе сиделку в пору нанимать, а ты молодую жену в дом привел! Соседи шушукаются, знакомые втихаря смеются над тобой. Не стыдно?

— Пусть смеются, — не сдавался профессор. — Их зависть берет, что меня полюбила такая милая, чудесная девушка, как Рая.

— Полюбила... — презрительно фыркнул Леонтий. — Как же! Ей твоя квартира в Москве приглянулась! Твои картины, антикварная мебель, редкие книги, наконец...

— Добавь еще: моя скромная пенсия.

— Ты неплохо подрабатываешь лекциями и научными статьями. Твоими трудами заинтересовались за рубежом. А издание книг в Англии и Германии?

Профессор хмурил брови и лез в карман за валидолом. Сын сразу отступал, замолкал и только сверлил отца напряженным взглядом.

— У вас своя жизнь, у меня своя, — сердито повторял тот. — Я в ваши дела не вмешиваюсь. Оставьте и вы меня в покое.

Леонтию становилось неловко.

— И вообще, как ты смеешь так оскорблять мою жену?

— Извини, но в данном случае ты слеп, папа!

— Значит, я хочу быть слепым.

Они расставались почти врагами, однако на следующий же день Леонтий каялся, звонил отцу и в знак примирения приглашал на ужин в свой ресторан. Тот деликатно отказывался:

— К сожалению, я неважно себя чувствую, придется лечь пораньше...

Они оба понимали, что совместный ужин не может состояться из-за Раеньки. Та мучительно стеснялась детей Никодима Петровича, не знала, как себя вести, и во

избежание разных щекотливых ситуаций и душевных травм предпочитала лишний раз не встречаться с Нелей и Леонтием. Профессор ее в этом поддерживал.

Сын Ракитина не пошел по его стопам — искусство-ведение наводило на парня глухую тоску. Вместо гуманитарных наук он начал заниматься бизнесом, открыл сеть кафетериев, где подавали пиццу, салаты, легкие десерты и свежевыжатые соки. Бухгалтер по образованию, он сумел все рассчитать и так наладить дело, чтобы кафетерии приносили прибыль, быстро разбогател и уже заимел пару солидных ресторанов. В его заведениях готовили блюда исключительно по старинным рецептам, а русская национальная кухня соседствовала с европейской и японской. Такое сочетание расширило круг постоянных клиентов, и Леонтий подумывал об открытии изысканного французского ресторана, где будет готовить повар из Парижа.

«Как у него язык поворачивается говорить о Раеньке такие гадости? — недоумевал профессор. — Квартира ее, видите ли, соблазнила и старая мебель, реставрация которой влетит в копеечку. Весь мой «антиквариат» легче продать, чем привести в порядок! Леонтий — прекрасно обеспечен, а туда же — считает мои деньги. Где-то я допустил пробел в его воспитании. Если бы была жива Лидочка, дети выросли бы другими: не такими черствыми и меркантильными...»

Первая супруга Никодима Петровича умерла, когда сын и дочь ходили в садик. Вряд ли они как следует помнят родную мать, однако чуть ли не насильно заставили оставить в гостиной ее портрет — в пику второй жене, которая ради них, «бедных сироток», отказалась от собственных детей. Она целиком посвятила себя Неле и Леонтию — пестовала их, словно заботливая наседка цыплят. Те доставляли мачехе множество хлопот: болели, пропускали школу, гуляли допоздна, не удосужившись сообщить, где они и когда вернутся домой, открыто выражали свою неприязнь и норовили каждый год

устроить «показательное выступление» — торжественно отпраздновать день рождения Лидии. «Может быть, хватит? — не выдерживал Никодим Петрович. — Я не собираюсь разводиться с Глафирой. Не знаю, как вам, а мне она подходит. Меня целыми днями нет дома, я по уши загружен работой. Кто будет встречать вас из школы, кормить, обстирывать и посещать родительские собрания? Вы — маленькие неблагодарные существа, не умеющие ценить любовь ближнего. Глаша еще молода и способна родить ребенка, но она решила, что вам это причинит боль, и заменила вам мать, вместо того, чтобы самой стать матерью...»

— О чем ты задумался, Нико? — спросила Раиса, прерывая поток его невеселых мыслей. — О книге?

— Зачем придет Неля?

Жена растерялась. Рука ее дрогнула, и вишневое варенье капнуло на скатерть.

— Ой...

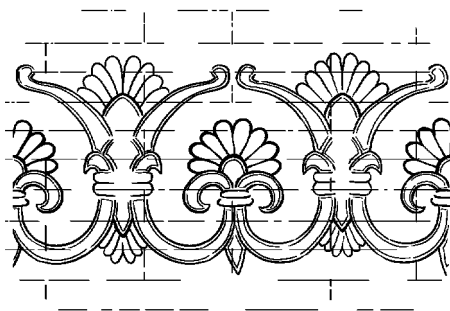
— Не волнуйся, — улыбнулся профессор. — Подумаешь, скатерть. Новую купим. Я гонорар за статью получил. Так что нужно Неле?

— Она хочет шкатулку забрать, — пряча глаза, вымолвила Раиса. — Говорит, это ее матери.

— Какую еще шкатулку?

— Ту, в которой нитки лежат, иголки...

— Отдай ей шкатулку, милая, ради бога.

~ ГЛАВА 3 ~

Нелли Ракитина назначила местом встречи турецкую кофейню «Наргюль». Здесь все дышало востоком — низкие диваны с подушками, шелковые драпировки, резные перегородки и маленькие шестиугольные столики. Запах жареных кофейных зерен кружил голову.

Астра увидела высокую, гладко причесанную шатенку в брюках и свитере и догадалась, что это Нелли. В зале кроме нее сидели совсем молодые девушки и оживленно беседовали. Перед ними на подносе лежала горка сладостей.

Нелли заказала себе кофе без сахара и пила его маленькими глотками. Астра попросила официантку принести то же самое.

— Я не знала, что вы любите, — сказала Ракитина, бесцеремонно разглядывая «ясновидящую». — Может, заказать горячий шоколад?

— Здесь делают?

— Да, кажется...

Ее портила расплывшаяся фигура и крупное лицо. Подведенные «индийские» глаза поднимались к вискам, чрезмерно длинный нос нарушал все пропорции, а губы были маленькими и тонкими. При таких чертах

никак нельзя было ярко подчеркивать глаза и прилизывать волосы. Стилист, который обслуживал Ракитину, либо не сумел подобрать ей подходящие макияж и прическу, либо та отказалась выполнять его рекомендации.

— Вы действительно способны читать мысли? — спросила Нелли.

— Конечно же, нет.

— А мне говорили...

— Не верьте слухам!

— Как вы собираетесь мне помочь?

— Изложите суть дела, — мягко предложила Астра. — В чем заключается ваша проблема?

— Я должна быть уверена, что... Понимаете, выворачивать наизнанку грязное семейное белье не в моих правилах. Я не хочу, чтобы мой отец или брат пострадали из-за моих... расстроенных нервов. Любое неловкое слово, пущенная по городу сплетня могут повредить их репутации. Отец — известный в своих кругах ученый, брат держит рестораны. Скандалы им ни к чему. Возможно, проблема существует только в моем воображении! Я хочу посоветоваться с кем-то, кто не поднимет меня на смех и не отправит к психиатру. Полная конфиденциальность! Это мое неперемное условие.

— Расследование предполагает определенные шаги, которые сопряжены с риском разглашения тайны. Нужно задавать людям вопросы, как-то добывать информацию.

— Да, но... у вас, я слышала, особый метод.

— Никаких сверхъестественных фокусов типа сеансов «ясновидения» и прочей чепухи не будет, — прямо заявила Астра. — Мой метод прост и опирается на обычную наблюдательность и правильные выводы. Один и тот же факт можно истолковать по-разному.

Ракитина машинально кивала, не выпуская из рук чашечку с кофе. Она настроилась на более проникновенный разговор, и тон Астры привел ее замешательство.

— Я не хочу поднимать бурю в стакане воды, — медленно произнесла она. — Возможно, мои домыслы и страхи не имеют под собой почвы.

— Если вы предпочитаете гадание на кофейной гуще, я дам вам адрес одной компетентной женщины. Жрица Тэфана практикует «лунную магию», ее салон пользуется популярностью.

Ракитина поставила чашку на столик и закусила губу. В словах собеседницы прозвучала смесь иронии и снисходительной вежливости. Нелли Никодимовна сама разговаривала подобным тоном с молодыми неопытными сотрудниками.

— Нет уж, увольте... — через силу пробормотала она. — Давайте прибегнем к эмпирике¹. Моя работа приучила меня доверять прежде всего результатам наблюдений. В этом мы с вами сходимся.

— Тем лучше. Итак, я вас слушаю...

Ракитина собралась с духом и начала излагать обстоятельства, в которых она оказалась то ли по воле случая, то ли став жертвой слишком развитого воображения.

— Этим качеством провидение наделило нас всех!

— Кого вы имеете в виду? — уточнила Астри.

— Отца, брата и меня, разумеется. Мы все творческие личности, каждый по-своему. Даже в моем увлечении химией сыграло роль превращение одних веществ в другие, удивительные изменения их свойств. В детстве я зачитывалась средневековыми мистиками, представляя себя алхимиком, сидящим в подвале мрачного замка, среди тиглей и реторт, и колдующим над получением философского камня.

— С помощью которого можно превращать обычный металл в золото и исцелять любые болезни?

— Да...

¹ Э м п и р и к а — то, что основано на практической деятельности, на опыте.

Ракитина улыбнулась — впервые за все время разговора. Улыбка у нее была мечтательная... и закрытая, с сомкнутыми губами.

— Вам удалось получить его?

— Шутите?

— Отнюдь! Я сама бьюсь над загадкой философского камня, только мои опыты происходят в мыслях...

Это лирическое отступление растопило лед между ними: Нелли перестала излучать настороженность и напряжение, Астра тоже расслабилась, вся погрузилась в историю семьи Ракитиных.

— А ваша мама? Она чем увлекается? Пишет стихи? Играет на рояле?

— Мама умерла, когда мне было четыре года, а брату пять... Мы погодки.

— Простите...

— Да нет... боли я давно не чувствую. В сущности, я маму почти не помню. Не знаю, как брат, а у меня остались смутные картинки из детства... мама за роялем... мама склоняется над моей кроваткой, прикасается ладонью к моему воспаленному лбу. Она была очень красивой! Жаль, что ее внешность не передалась мне.

Ракитина сказала это без всякого кокетства, не ожидая, что Астра начнет уверять ее в обратном, не спрашиваясь на комплимент. Просто отметила, как данность.

Детям, рано потерявшим отца или мать, присуще идеализировать их образ. Видимо, не избежала этого и Нелли.

— Порой мне кажется, что и эти скудные воспоминания я придумала! — с горечью воскликнула она. — Мама ушла от нас с братом, вот и все... она нас бросила. Но мы ее простили и продолжаем любить...

— Она чем-то болела?

— Отец говорил, что она умерла от аппендицита. Ее не смогли спасти. Знаете, а ведь вы угадали! Она действительно умела играть на рояле и сочиняла неплохие

стихи. Ее инструмент до сих пор стоит в нашей квартире... вернее, в квартире отца. Мы все живем отдельно, слава богу...

— Вы читали ее стихи?

— Нет! Отец сжег все мамины вещи... после ее смерти. В том числе и тетради. Говорит, не мог смотреть на них, слишком сильные страдания они ему причиняли. По малолетству мы ему верили. Он был для нас непрекаемым авторитетом... пока не женился второй раз. Привел в дом мачеху, представляете?

Она подняла на Астру глаза, полные «справедливого» негодования. Но та ее не поддержала. И Ракитина спохватилась, спряталась в свою раковину, как улитка.

— Конечно, он должен был ходить на работу, оставлять нас с кем-то, чтобы быть спокойным. Отец уделял больше внимания науке, чем семье.

— Он тоже химик?

— Нет, что вы. Его специальность — искусствознание. Разные разделы. Сначала он занимался литературоведением, потом перешел на живопись — социалистический реализм в творчестве советских художников и все такое. Защитил диссертацию, стал профессором. Когда эта тематика потеряла актуальность, он несколько лет преподавал в Академии художеств смежные предметы, в общем, выживал.

— А сейчас?

— Отец посвятил себя тому, что по-настоящему его интересовало, — искусству древней Месопотамии. В его кабинете уйма книг о Вавилоне, Ниневии, ассирийских царях, клинописных табличках... Вместо сказок он рассказывал нам с братом о висячих садах Семирамиды и Вавилонской башне.

Девушка, одетая в широкое цветное платье и шаровары, готовила кофе по-турецки и разносила его посетителям. Людей прибавилось, теперь в зале почти все столики были заняты. Молодые парни, по-видимому, студенты, заказали кальян.

— Что же вас беспокоит? — спросила Астра, когда де-
вушка вернулась за стойку.

Из-за ширмы в углу, отведенном для курения, по-
плыл сладковатый кальянный дым.

Нелли морщилась и молчала. Астра ее не торопила,
пусть собирается с мыслями.

— Не люблю курящих...

— В вашей семье никто не курит?

— Никто, — покачала головой Ракитина. — Кроме
Эммы. Это жена моего брата. Он пытался отучить ее от
сигарет, а потом смирился. Терпит! Куда деваться?

— Вы с ней дружите?

— Дружу? — она поджала губы. — Мы родственники.
Поддерживаем хорошие отношения. Стараемся...

— Вам не нравится Эмма?

— Я ее выслушиваю. Она иногда жалуется на брата,
а я не из тех, кто обсуждает других за глаза.

— Поэтому вы смущены и не решаетесь признаться,
в чем проблема?

— Отчасти. Мне сложно говорить о родных людях...

Румянец на щеках Нелли стал ярче — она покраснела
от внутренней борьбы. С одной стороны, она предпочи-
тает не выносить сор из избы, с другой — вынуждена это
делать.

— Но вы ведь пришли сюда, чтобы поделиться набо-
левшим?

— Да... я... видите ли...

Астра выразительно посмотрела на часы.

— Я отнимаю у вас время?

— Вы тратите его понапрасну, госпожа Ракитина. Бе-
рите быка за рога! Иначе мы не сдвинемся с места.

— Да, конечно... я понимаю... Все началось со ско-
ропалительной женитьбы отца на этой... пигалице
Раисе. Она интриганка! Сумела окрутить его за ка-
ких-нибудь восемь месяцев! Разве она пара такому
человеку, как наш отец? Он даже не посоветовался
с нами! — в ее голосе звучало неприкрытая досада. —

Зачем, по-вашему, молодой девице выходить замуж за старика?

— По разным причинам... не обязательно корыстным.

Она уставилась на Астру густо подведенными глазами, в которых кипели слезы. Ракитины — по крайней мере, Нелли — обладали не только творческой жилкой, но и бурными эмоциями.

— Может, в девятнадцатом веке романтические героини и влюблялись в пожилых кавалеров, да и то преимущественно в романах. А в наше время такое «чудо» дурно пахнет! Предприимчивые провинциалки неспроста обхаживают московских женихов любого возраста. Главное — заключить законный брак, прописаться, а потом завладеть квадратными метрами столичной жилплощади. Как отец этого не понимает?!

— Простите... я, кажется, запуталась, — призналась Астра. — Вы говорили о второй жене...

— Раиса — уже третья!

— А... со второй ваш отец развелся?

Ракитина потупилась и отхлебнула остывшего кофе.

— Глаша умерла семь лет назад. Что вы на меня так смотрите? Да, она фактически вырастила нас с братом... но мы не стали называть ее мамой. Мать у человека бывает одна! — с вызовом произнесла она. — Или вы другого мнения?

— Я не спорю...

— Мачеха есть мачеха! Глаша прикидывалась любящей наседкой, но лично меня тошнило от ее сюсюканья. Она ни дня не работала, так и просидела на иждивении отца. Ее призвание — домашнее хозяйство. Правда, она была не глупа... но не сумела толком применить свой ум.

Астра представила себе жизнь этой незнакомой Глаши. Муж уходил на целый день, а она оставалась с двумя чужими детьми, которые ее ненавидели: возилась с ними, готовила еду, стирала и гладила их вещи, водила гулять в близлежащий сквер, помогала делать уроки,

старалась подобрать к ним ключик. Они же наверняка вредничали, допекали ее, чем могли. Судя по Нелли, характеры у Ракитиных о-го-го, какие! Брат, пожалуй, не далеко ушел от сестры...

— Осуждаете? — прервала ее размышления собеседница.

— Думаю...

— Какие мы с Леоном черствые, бездушные, да? Как мы портили жизнь бедной женщине и собственному отцу? И продолжаем портить... Мы изводили Глашу, теперь изводим невинное создание Раечку! Ангела во плоти, который слетел с небес, дабы скрасить последние годы профессора Ракитина. Ах, какие гадкие, жестокие дети! Два избалованных эгоиста!

— Вы уже не дети, — холодно заметила Астра.

— Вот именно. Поэтому нас трудно провести. Все далеко идущие замыслы Раечки написаны у нее на лбу. Она спит и видит скорую кончину «любимого» супруга. Молодая вдова с трехкомнатной квартирой в Замоскворечье — чем плохо для начала?

— Вы не торопитесь с выводами?

— Я опаздываю! Надо было все силы приложить, чтобы открыть папе глаза на эту ушлую бабенку. Милое наивное создание! — саркастически рассмеялась Нелли. — Робкое и стыдливое! Ну, вы бы попались на такую приманку?

— А где они познакомились?

— В консерватории, на концерте... Мама успела привить отцу любовь к настоящей музыке. Знала бы она, к чему это приведет!

— Вы против классической музыки?

— Музыка и музыканты — разные вещи. Мама играла любительски, а Раиса — профессиональная пианистка. В ее Урюпинске ей ничего не светит. Разве что скучное преподавание в музыкальной школе за гроши. То ли дело Москва! Не удивительно, что все они стараются за-

цепиться здесь любым способом. На здоровье! Только почему она выбрала нашего отца?

— Отчего умерла его вторая жена?

Вопрос Астры ошарашил Ракитину. Она мотнула головой, словно норовистая лошадь, которую останавливают на скаку.

— Глафира? При чем тут она?

— Допустим, мне любопытно.

— От сепсиса... Она поранилась, когда делала уборку на даче.

— У вас есть дача?

— Деревянный дом в Сосновке.

— Кто тогда находился на даче вместе с вашей мамочкой?

— Папа... Вы на что намекаете?

— Я просто спрашиваю...

— Глаша как раз перед этим переболела гриппом, у нее был ослабленный организм. Отец взял отпуск и повез ее в Сосновку, на свежий воздух. Она принялась наводить всюду порядок...

— После болезни?

— Чистота была ее манией. Пока все вокруг не заблестит, Глаша не успокаивалась.

— Чем она поранилась?

— Не помню точно, кажется, железной стружкой. Загнала глубоко в руку, задела кровеносный сосуд, и началось заражение.

— Они приехали в Сосновку на машине?

— На папиной «Волге». Тогда он еще водил.

— Он сразу отвез ее в больницу?

— Глаша терпеть не могла больниц. Она сама промыла рану, залила йодом и легла спать. Думала, к утру станет легче. Потом отец привез ее в город, но было уже поздно. Он ужасно горевал, винил себя, едва отошел. Мы с братом настояли, чтобы он лег в клинику, подлечил сердце.

— Он согласился?

— С неохотой. Мы, Ракитины, обращаемся к врачам крайне редко. Обходимся своими силами.

— Так в чем же заключается моя задача?

Нелли наклонилась, понизила голос, чтобы никто не услышал ненароком, и произнесла:

— Вы должны вывести Раису на чистую воду...

— В каком смысле?

— Она хочет... убить всех нас... меня в первую очередь, потом брата... а отец сам умрет...

~ ГЛАВА 4 ~

Клуб любителей бардовской песни «Вертикаль» располагался в подвальном помещении на Нижней Масловке. Большой полутемный зал изнутри был отделан под огромную палатку, с потолка свисали лампы «летучая мышь», импровизированная сцена представляла собой возвышение, сбитое из досок, куда мог взойти любой и продемонстрировать собравшимся образчик своего творчества. Судили новичков не строго — одобрительно посмеивались, хлопали, и если делали замечания, то в духе товарищеской критики, не обидно и без ехидства.

Здесь собирались молодые люди, которых объединяла страсть к путешествиям, дороге — одним словом, романтика странствий. Все стены пестрели фотографиями, сделанными в дальних походах, — Байкал, Ангара, Енисей, Саяны, Кавказские хребты, Афганская пустыня и Гималаи, — где только не пришлось побывать этим парням и девушкам с обветренными лицами и закаленными характерами.

Это была молодежная тусовка — бардов-ветеранов приглашали в качестве почетных гостей. Тогда зал не мог вместить всех желающих: самые неприятельные

слушали легендарные песни стоя. Особую «дорожную» атмосферу создавал приглушенный шум поездов и близость Савеловского вокзала.

Сюда Апрель осмелился однажды пригласить ее — женщину, которая вошла в его сны, стала мучительной болью, наваждением.

— Привет, Апрель! — улыбнулась Марина, официантка из бара. — Будешь сегодня петь?

Бар, где работали она и ее сестра, назывался «Буфет». Тут подавали кашу с тушенкой «из котелка», травяной чай «из самовара на углях», а водку наливали в граненые стаканы, как в прошлом, по которому многие зачастую испытывали ностальгию, тем более странную, что выросли они уже в другой стране, — не той, воспетой Высоцким и Визбором, оставшейся на черно-белых фото, в наивных кинолентах и в памяти старшего поколения.

Апрель сидел на стуле, заложив ногу на ногу, и настраивал гитару. Марина уселась рядом. Ей нравился этот молчаливый мужественный парень, всегда аккуратный, подтянутый, хорошо одетый. Стихи у него были немного грустные, как и положено, а мелодии песен простые, как неторопливый вечерний разговор у костра. Апрель пел редко, в отличие от некоторых, — только когда «накатывало». Что он вкладывал в это слово, девушка до конца не понимала.

— Погляжу, какая придет публика... — отозвался молодой человек. — Если под настроение, отчего же не спеть...

Выглядел Апрель на двадцать два — двадцать три года. На самом деле ему исполнилось двадцать восемь. Лицо чистое, открытое, с крупными правильными чертами, волосы светлые, подстриженные по моде, глаза серо-зеленые, прозрачные, как вода горного озера. Когда Апрель сердится, глаза темнеют, сливаются со зрачками. Марина откровенно залюбовалась.

— Ладно, пойду, — с сожалением вздохнула она. — Соня ждет. Работы много. У нас сегодня — санитарный день.

— Уборка, что ли?

— Генеральная.

Апрель проводил ее равнодушным взглядом. Хорошенькая девушка, но ничего в ней нет *этого*, чтобы захватило дух, засело в сердце зазубренной занозой. Не то что...

Он тряхнул головой, усилием воли прогоняя непрощенные воспоминания. Того уже не вернуть! Он бы не прочь начать все сызнова, но она не хочет. Не ровня он ей, не пара. Ей солидный человек подошел бы, основательный, степенный, со стабильным доходом, без «вредной привычки» к свободе, к рюкзаку, костру и походному ветру, с которым можно поговорить на возвышенные темы. А кто он, Апрель? Что способен ей дать? Кропает дилетантские вирши, бренчит на гитаре, работает от случая к случаю, сильно не напрягается. У него даже образования нет. Поступил на физмат по настоянию родителей, протянул ляжку два года и выдохся, бросил... Черт с ним, с дипломом! Жизнь измеряется другими категориями — количеством пережитого счастья, а не накопленных денег. Ему, Апрелю, хватает того, что у него есть.

«Не надо было давать мне такое имя, — заявил он расстроенной матери. — Назвали бы меня Петром или Василием, чтобы жил, как все. А теперь поздно пенять! Теперь я вольный казак, куда хочу, туда скачу».

«Верхом на палочке! — съязвил отчим. — Маша тебе редкое имя выбрала, надеялась, ты в люди выйдешь, опорой ей будешь в старости. А ты — перекасти-поле!»

«Зачем ты так, Коля? — вступилась за сына мать. — Он нам помогает, чем может. Деньги хоть и небольшие, да присылает. Вон, у соседей дети институты позаканчивали, а толку-то? Забыли стариков, носа не кажут. Раз в год приедут, норовят у них последнее выгрести...»

«Скоро, мам, я на паркетчика выучусь, — обещал Апрель. — Буду на себя работать. Возьму заказ, сделаю, и свободен. В бригаду не пойду, ни у кого под началом ходить не стану».

«Как же ты один - то?»

«Хороший мастер без клиентов не останется».

Он оказался прав. Паркетчик из него получился так себе — звезд с неба не хватал, но компенсировал отсутствие таланта тщательным подходом к делу и добросовестностью. Лиха беда начало — пару лет перебивался, потом заказы посыпались, как горох. Уже не Апрель искал, кому бы паркет положить, — его искали, записывались в очередь.

Он поймал себя на том, что напевает новый мотивчик и одновременно думает о своей жизни. Всем бы он был доволен, если бы не...

«О, черт, опять! — скрипнул зубами Апрель. — Где раздобыть рецепт лекарства от любви? И существует ли такое?»

Марина драила буфетную стойку, исподтишка поглядывая на парня. Какой он все-таки ладный, рослый, широкоплечий, недаром девчонки о нем шепчутся. И деньжата у него водятся — может запросто угостить выпивкой, на мюзикл пригласить. Стихами да песнями много не заработаешь, поэтому Апрель строительную специальность приобрел, без работы не сидит.

— Слушай, Соня, — шепнула она сестре. — У Апреля кто-то есть?

— Девушка?

— Ну да... Он с кем-нибудь встречается?

— Говорят, была зазноба... да сплыла.

Они пришли в «Буфет» недавно и не успели выяснить, кто чем дышит, кто кому симпатизирует. Здесь было весело: каждый вечер — концерты, пусть самодеятельные, любительские, зато душевные; каждый раз — уйма впечатлений, знакомств, горячих споров, интересного общения. Оказывается, бардовская песня пользуется популярностью даже на таком непрофессиональном уровне, — люди с удовольствием слушают, покупают диски с записями неизвестных авторов-исполнителей, обмениваются мнениями, делятся твор-

ческими планами, договариваются о совместных проектах.

Апрель держался как-то особняком — ни с кем особо не объединялся, ни к кому в компанию не напрашивался. Его приглашали в очередной поход, пеший или водный, зывали в горы, он отказывался. Много заказов, мол, освобожусь, тогда...

Марина пыталась расшевелить его, вызвать на открытость. Соня пожимала плечами, качала головой.

— Оставь ты его в покое, сестричка. Еще не отошел от прежней любви, а ты ему новую навязываешь.

— Я не навязываю, — обижалась та. — Тебе его не жалко?

— Лучше себя пожалей!

— Апрель не такой, как остальные...

— Любовь слепа. Ты просто не видишь его недостатков.

— Он мне нравится, вот и все...

— Хочешь переспать с ним?

Марина смущенно опускала глаза, заливалась краской. Помимо всех прочих достоинств, Апрель действительно был очень сексуален. От него прямо-таки исходили эротические флюиды. Не только она учащенно дышала в его присутствии...

— Между прочим, одна дама предлагала ему поступить стриптизером в ее ночной клуб! — сообщила Соня.

— Какая еще дама?

— Кто-то ее привел... Митя, кажется.

Митя исполнял обязанности администратора и был начальником не только над «Буфетом», но и над всем малочисленным здешним штатом. Он отвечал за организацию творческих вечеров и праздничных «капустников», за порядок в зале и за все, что происходило в клубе.

Марина поискала глазами Митю. Тот оживленно беседовал с кем-то по сотовому, подходить к нему сейчас с вопросами она не решилась. Соня угадала ее намерение.

— Не вздумай! Еще чего не хватало! Апрель и без того нос задирает, а если узнает, что ты за ним бегаешь, вовсе загордится.

— Я не бегаю...

— Вот и выбрось его из головы. Он занят... понимаешь? Втемяшил себе в голову любовную чушь и страдает.

Марине стало обидно за Апреля. И за себя тоже. Неужели он не замечает ее чувства?

— Может, приворожила его та женщина? — вздохнула Соня. — Я вообще - то в колдовство не верю, но глядя, как Апрель сохнет... чего только не подумаешь.

— А кто она? Какая? — с жадным любопытством спросила сестра.

— Не знаю. Митя говорил, она приходила сюда с Апрелем... Странная особа, замкнутая до ужаса. Ни с кем ни слова, ни полслова. Так и просидела весь вечер статуей!

— Мне запрещаешь расспрашивать, а сама...

— Случайно разговор зашел. — Соня протерла до блеска стеклянную дверцу холодильника и с удовлетворением кивнула головой. — Ты чисти, чисти самовар, не отвлекайся. Время поджидает.

— Больше она здесь не появлялась?

— Похоже, что нет. Должно быть, не пришлось ей по вкусу наше заведение.

«Ну и хорошо, — твердила про себя Марина. — Значит, не сложилось у них с Апрелем... Зря он тоскует! Она далеко, а я близко, рядышком. Всегда готова выслушать, посочувствовать, утешить...»

— Дура ты, — беззлобно произнесла сестра. — Все мы, девчонки, дуры!

— Почему это?

— Так... Западаем на красавчиков, а они и рады...

Марина тайком бросила взгляд на Апреля. Тот что-то напевал под гитару, ритмично покачивая носком зимнего шнурованного ботинка, за его спиной маячил смутный темный силуэт...

— Соня, посмотри, что это?

— Где? Ничего не вижу...

— Сзади Апреля!

— Крылья, — захихикала Соня. — Он ведь вылитый бог любви! Амур!

— Я серьезно... там чья-то тень...

— Не сходи с ума, Мариша. Тебе почудилось.

Администратор включил подвесные лампы, и от этого тусклого освещения лежащий по углам мрак еще больше сгустился...

* * *

По бокам аллеи громоздились горы снега, синие в декабрьских сумерках. Деревья заледенели от стужи. Матвей и Астра прогуливались, беседуя вполголоса. Бледная луна, похожая на сахарный пряник, застыла на небе. Было слышно, как играет музыка на открытом катке.

— Ты веришь этой разочарованной женщине? — с усмешкой спросил он, имея в виду дочку профессора Ракитина. — Она ведь не замужем, как я понял? Значит, сердита на весь белый свет. Особенно ее бесит любовь пожилого отца к молодой жене.

— Почему обязательно «бесит»? Я тоже не замужем...

— Ты — другое дело. Твоя мать, слава богу, жива. У вас дружная семья. А если бы родители развелись, и Юрий Тимофеевич привел в дом мачеху, которая может тебя?

— Пожалуйста.

— Ракитины рассуждают иначе. По их представлениям, потерявший жену отец не имел права жениться вновь. Он должен был до конца дней оплакивать незабвенную супругу. По-моему, Нелли — типичная эгоистка, которая превыше всего ставит собственные интересы. Ей плевать на отца, да и на покойную мать... Она просто из принципа хочет разрушить чужое счастье.

— Вероятно, такое бывает. Но я хочу проверить, насколько далеко могут зайти дети в своей ревности.

— Очень далеко. Судя по всему, они ополчились на вторую мачеху из-за ее возраста. Их гложет стыд за поведение папашы, неловко перед соседями и знакомыми.

— Раиса уже третья супруга профессора.

— Не вижу в этом криминала.

— Разве не подозрительно, что две предыдущих его жены умерли?

— Нисколько. Человеку не везет в браке! Хочешь сказать, что Ракитин убивает своих жен? Но ведь Нелли боится за свою жизнь, а не за жизнь мачехи.

Астра поддела ногой комочек снега и остановилась. Красноватые фонари в туманном ореоле тянулись вдоль дорожки и смыкались вдаль, образуя светящийся коридор.

— Это обман зрения... — пробормотала она. — Какая-то путаница. На самом деле огни расположены на том же расстоянии друг от друга...

Матвей знал этот ее отрешенный взгляд в никуда. Где, за каким горизонтом видела она события, которые пока только зарождались в темных людских помыслах? Может, это и есть мир теней, существующий бок о бок с миром земным?..

— Раиса, нынешняя жена профессора Ракитина, моложе его детей на много лет.

— Тебя удивляет разница в возрасте? По-моему, раньше юных девушек частенько выдавали замуж за дряхлых стариков. Такие браки были в порядке вещей. Наверное, обычаи периодически возвращаются.

— Нет... не то... да и пора юности для Раисы миновала. Ей двадцать восемь, а не восемнадцать.

Астра сама не понимала, что ее смущает.

— Ракитин не богат. Квартира и дача не в счет. Антикварная коллекция у него скромная...

— Как не в счет? — возразил Матвей. — Смотря для кого не в счет! Скажешь тоже! В Москве убивают из-за квартир. А тут еще и коллекция.

— Нелли объяснила, что это даже не коллекция, просто старинные вещи и картины нескольких поколений семьи Ракиных.

— Какая разница?

— Профессор — не алкоголик, не больной одинокий старик. У него двое взрослых детей, которые ему наследуют. Чтобы пойти на тройное убийство, надо иметь весомый мотив.

— Согласен. Кстати, у его сына...

— Леонтия, — подсказала Астра.

— У Леонтия есть дети?

— Нет. Он поздно женился, детьми пока не обзавелся. Его жена Эмма тоже недолюбливает Раису. По крайней мере, так сказала Нелли.

Но Матвей имел в виду другое:

— Выходит, профессор не успел стать дедушкой? Значит, хотя бы внуки не станут претендовать на часть наследства. Надо бы встретиться с этой Раисой, познакомиться, поговорить.

Астра с сожалением покачала головой:

— Невозможно. Нелли против какого бы то ни было нашего контакта с мачехой. Она боится, что отец и брат не простят ей вмешательства посторонних в семейные отношения. Ракины ужасно скрытные.

— Как же нам быть? Устраивать спиритические сеансы?

Он вспомнил саркастическую усмешку Ларисы и отвел глаза.

— На спиритических сеансах общаются с духами умерших, а все Ракины живы. Тьфу, тьфу, тьфу!

Ему показалось, что Астра прочитала его мысли о бывшей любовнице, но деликатно промолчала.

— По каким признакам дочь Ракина определила злые намерения новой мачехи? Раиса чем-то выдала себя?

— У Нелли начали пропадать вещи. Сначала разные мелочи — брелок от ключей, шарфик, зонт...

— Может, она сама их потеряла?

— Я задала ей тот же вопрос. Нелли твердит, что никогда не отличалась рассеянностью.

— Годы идут, берут свое. Появляется забывчивость, которой раньше не было.

— Шерлок Холмс не отмахнулся бы от такого странного факта! — заявила Астра. — Помнишь, как у молодого Баскервиля пропал ботинок?

— Ну, ты хватила! — рассмеялся Матвей. — Намекаешь на собаку? Большой город — не захолустные болота, где легко спрятать огромного пса.

Версия, связанная с собакой Баскервилей, настолько рассмешила его, что он не мог остановиться.

— Город — почище любого болота! — огрызнулась Астра. — Здесь целую свору собак никто не заметит. Вон их сколько бегают!

— По-моему, чушь несусветная...

— Ты прав, — согласилась она. — Но ничего путного в голову не приходит. Нелли ужасно напугана пропажей вещей. Она усматривает в этом зловещее предзнаменование.

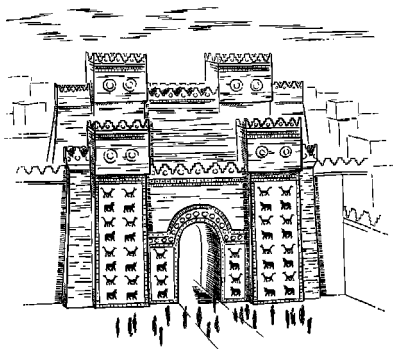
— У нее нервы расшатаны, как у любой незамужней дамы в ее возрасте.

Астра набрала пригоршню снега и бросила в него. Он увернулся, продолжая посмеиваться.

— Лучше скажи, при чем тут вообще вещи? Если не для собаки, которая их понюхает и...

Она не выдержала и тоже расхохоталась. Прохожие косо поглядывали на странную парочку: с виду приличные люди, а ведут себя...

— На нас смотрят, — прошептал Матвей, обнимая ее. — Давай поцелуемся!

~ ГЛАВА 5 ~

Ночью Леонтий видел дурной сон, с трудом поднялся, измотанный и обессиленный поплелся в душ.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — спросила его жена за завтраком. — Всю ночь крутился, выглядишь, как с креста снятый...

— Что у тебя за дурацкие сравнения? — вспыхнул он. — Я не выспался, а тут еще ты со своими причитаниями.

Она оскорбленно замолчала и углубилась в журнал, где печатались косметические и кулинарные рецепты. Ее манера читать за столом раздражала мужа, и Эмма прекрасно это знала. Она нарочно решила испортить ему настроение. Впрочем, портить было нечего — настроение отсутствовало, как и аппетит.

Ознакомительный фрагмент книги завершен.
Хотите читать дальше?

Купите книгу "Эффект чужого лица"

и узнайте, чем закончилось расследование Астры и Матвея...